

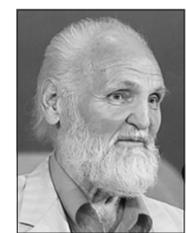
ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
АПРЕЛЬ 2019 г. • № 4 (270) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир КРУПИН

Программа превращения детей в животных

Выступление в Общественной палате на слушаниях
«Роль литературы в духовно-нравственном формировании общества»

Знаменитая триада, формула графа Уварова: Православие, Самодержавие, Народность, на которой стояла во все времена Россия, всё чаще вспоминается сейчас, когда не оправдала ожиданий идеология большевизма, и коммунизм оказался мифом, когда в новом периоде жизни обнаружилось новое вранье про построение справедливого общества. Мы видим крушение всех демократических институтов, видим, что ни Конституция, ни законы не могут сдержать диктатуру воровства, которая царит в сегодняшней России. Что же её спасёт? Её спасёт нравственность и совесть – этот глас Бога в душе.

Последнее, что хранило нравственность после Церкви, была классическая литература и, прежде всего, литература в школе. И вот сейчас это спасительное влияние литературы убивается. Литература изгоняется из школы, государство швырнуло её под колёса капитала. Даже в семидесятых не смогли тогдашние революционеры «сбросить Пушкина с парохода современности», а сейчас сам видел выброшенные на помойку его книги. «Творцы» новых стандартов образования, вы этого хотели? Но так получается... Неужели составители их всехлебывают, что верификатор Бродский лучше великого Рубцова, неужели просто хороший поэт и плохой прозаик Пастернак, не говоря об Окуджаве, лучше нужнейших Заболоцкого, Исаковского и Твардовского?

Думаю, что так случилось не от глупости и незнания, а от того, что составляли программу те, кто лишён трёх качеств, составляющих человеческую личность. По мысли русского философа Владимира Соловьёва, для того, чтобы превратить человека в животное, надо лишить его: первое – чувства стыда, второе – чувства сострадания и жертвенности, и третье – благоговения перед святынями. От чувства стыда начала избавлять мир сексуальная революция 60-х, когда «ливерпульская четверка» кричала о сексе, как об избавлении от всех пороков, прибавляя при этом: «Мы более знамениты, чем Христос», когда пошлость и насилие загляди все кино- и теле экраны, когда образ героя, любящего Отечество, вытеснил образ прохиндея и мошенника Остапа Бендера, а образ любящей жены и матери заменила ведьма Маргарита.

Ворвался в мир школы и интернет, это сплошной дом терпимости (напомним, что терпимость в переводе – это столь желанная либералам толерантность), уже не стыдно принародно жевать, материться, не почитать старших, дерзить учителям, угрожать им «телефоном доверия», уже популярны лозунг «закончим школу женщинами», уже лахвонцы начинают приносить в начальную школу презервативы и учить ими пользоваться, куда ещё?

Сострадание, жертвенность убиваются демократическим рынком. Конкуренция развивает эгоизм. Пропагандируется карьерный рост как признак жизненного успеха, чувство долга, солидарности уже и не вспоминаются. Ведь ничего же не получается у головы без участия сердца. Сколково – центр процветания мировой науки уже прозван Сколково.

А что касается третьего, главного чувства человека – благоговения перед святынями, сохранения Бога в душе, оно постоянно оскорбляется и унижается, когда новые Саломеи пляшут перед алтарями, когда оскверняются Кресты, иконы и могилы, когда госпожа интеллигентия занимается любимым делом – сплетнями о священноначалии. Конечно, чиновники, убивающие предмет литературы, скажут, что не хотят такого кошмара, но если они видяют в программе, например, Мандельштама, то как их понять. Мандельштам еще после первой революции в статье «Кровавая мистерия 9 января» призвал к царевубийству. Писал: «Нельзя жить, если не будет убит царь».

И постоянное, мы видим, обезьянничанье перед какой-то неведомой мировой цивилизацией. Неужели страны, где епископы женщины и где венчают двуногих однополых, для нас пример? Мы – ведущая европейская держава. Русские летописи старше на сто лет французских и итальянских хроник, немецкие вообще появились в 14-м веке. Наш Нестор писал одновременно с греческими и латынскими авторами. Напоминать ли, что мир держится русским искусством и русской научной мыслью?

Задолго до всяких Конституций в России зарождалась симфония духовных и светских властей, какой мир не видывал. Вместе с игуменом Даниилом в Святую Землю ходил киевский князь Изяслав. Духовником у князя был основатель русского монашества преподобный Антоний. «Иду к Антонию на исповедь, ноги подгибаются», – говорил Изяслав. Но ни эти факты, ни сам памятник духовности и литературы «Хождение игумена Даниила» в школе и близко не бывали. Как и написанное за сто лет до «Слова о полку Игореве» «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона.

И отдельно от школы существуют и лежат прямо под ногами золотые россыпи русской речи, народное творчество: песни, сказания, легенды, былины, пословицы, поговорки, потешки, обрядовая поэзия. А ведь на народное творчество мы не можем смотреть, как на давно прошедшее, оно всегда будет, по крайней мере для пишущих, недостижимо впереди.

Понимания значения литературы как предмета, поддерживающего свод нравственности над Россией, нет у наших властей. Видимо, им безразлична их посмертная судьба. А ведь все помрём, и надо торопиться остаться в истории. Тредиаковский, вручая императрице Екатерине свою оду, заметил: «Царствованию великого Августа потребен Гораций». Но если сейчас в Горациях Пелевин, то кто тогда Путин?

Исследователи происхождения большевизма из протестантизма, а протестантизм из безбожия русский философ Виктор Троицкий сделал вывод: «Подлинного мудреца может дать человечеству только православная цивилизация, поскольку мировоззрение, из которого выросла её культура, есть неповреждённое учение самого Бога, воплотившегося и сошедшего на землю, чтобы дать его людям».

И в самом деле: почему русская классическая литература – ведущая в мире? Потому что она выращена Православием. Как и величайшая музыка, как и живопись – дитя иконописания. А архитектура? Не церковью ли рождена. И если мы начати Православия взяли от Византии, то уже рост их и созревание свершились на русской почве.

Большевики сделали из Пушкина революционера, пора в школе говорить о нём, как о православном гении. То же и вообще со всем курсом литературы. Гибель Катерины в «Грозе» не протест против «тёмного царства», а глубочайший стыд за свершенный позор прелюбодейства, за осквернение брачного венца. Маша Миронова и Петр Гринёв любят друг друга, но не могут вступить в брак без родительского благословения. «Покоримся воле Божией, Петруша», – говорит Маша. Но когда Петра оклеветали, то она, нигде не бывавшая, в одиночку едет в Петербург и спасает любимого.

Главный мотив настоящей русской литературы – служение Богу небесному и царю земному. И утверждение простейшей мысли, что у России свой, Богом указанный путь, что русский язык – язык Богослужбный. Пушкина спросили о даме, с которой он долго разговаривал: «Умна ли она?». Пушкин искренне ответил: «Не знаю, мы говорили по-французски».

Жизни не хватает, чтобы овладеть величием русской словесности, а школа наша двигает в программу всё вытесняющее изучение иностранных языков. Как будто школа подражала поставять для мирового сообщества англоязычных ЕГЭ-недоумков. Но, говорил апостол, что знание языков – есть самое низкое знание. А что самое высокое знание? Богословие, мудрость. А кто мудр? Тот, кто делает добро.

А языки въехали в Россию через дворян, чтобы им скрывать свои разговоры от дворян, вот и весь секрет офранцуживания. Потрясённый своим открытием Митрофанушка восклицает: «Маменька, ведь в Париже даже извозчики говорят по-французски».

«Слово есть высший подарок Бога человеку», – писал Гоголь, и этим словом написал одно из своих главных завещаний: – Воспитание должно происходить... в беспрестанном применении и сличении всего с законом Христа: в чём оно не противоречит Христу, то принимай, а в чём не соответствует Его закону, то отвергай: ибо всё, что не от Бога, то не есть истинно».

Когда Россия благоденствовала? Когда в ней усиливалась молитва. Царь Феодор Иоаннович больше молился, чем занимался государственным делами, и при нём Россия процветала. Ибо «ищите прежде всего Царствия Божия, а всё остальное приложится вам». Ибо нет никакой истории, кроме одной: мир или приближается ко Христу, или удаляется от Него. Мы так долго удалялись, что диву даёмся, что Господь всё ещё нас любит.

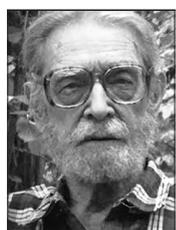
Рекомендации Общественной Палаты в вопросе преподавания литературы очень нужные и толковые. Только не произошло бы с ними, как с другими документами, созданными в Палате – поговорили, спустили пар на свистки, а дело не сделано.

Предыдущее моё выступление было три года назад. И что изменилось? Многое. И всё в худшую сторону. Российская школа продолжает ковать англоязычных ЕГЭ-недоумков. На ЕГЭ натаскивают. Натаскивают... Вдумайтесь.

ЕГЭ убивает Россию. Вот привожу авторитетнейшее подтверждение: китайский академик Цзинь Сычжан исследовал системы образования в мире за последние 30 лет в 43 странах и отметил, что падение уровня образования в России просто устрашающее. Он сказал, выступая перед студентами МГТУ им. Баумана: «Это не просто катастрофа, это верный путь к уничтожению знаний. В Советском Союзе была лучшая в мире система образования. Теперь же Запад провёл против вас величайшую диверсию, навязав вам гибельную систему ЕГЭ, уничтожающую знания, готовящую рабов и биороботов... В то время, как остальной мир идёт вперёд, ваши школьники обречены на деградацию и вечное отставание» (газета «Слово» 22 марта – 4 апреля 2019г.). Спасибо, господин Сычжан. Может быть, вас услышат наши чиновники, командующие российским образованием. По опыту знаю, что кадры этих чиновников создаются из карьеристов, из неудавшихся учителей.

Но именно нынешних учителей обвиняют чиновники во всех бедах школы. Но учителя-то причём? Они насильно загнаны в систему, которая вынуждает заниматься чем угодно, только не образованием. А если образованием, то только формальным и легковесным.

Всю жизнь я связан со школой, много ездю по России, стон, великий стон слышен и в селах и городах. Стон и плач тех, кому не безразлично будущее Отечества.

и автор «множества статей и эссе», а также «множества книг, переведённых на разные языки мира», в том числе книги «Гибель богов», она лауреат множества премий, и, конечно же, премии имени Иосифа Бродского. Да ведь и это не всё! Она в том же разрезе как по всему свету и читает лекции о своих

ассоциации содействия славяноведению, член еще какой-то, возможно, сомалийской Литературной академии, их богах и их гибели: с Большой Садовой – в Польшу, из Польши в Японию, из Японии во Францию, из Франции в Китай, из Китая в Швейцарию, из Швейцарии в США, из США – Берег слоновои кости... И везде Иванову ждут, конечно же, аллодисменты, цветы, тосты... Как видим, Наталья Иванова это наша Главная литературная дама. Я не знаю, кого можно поставить рядом с ней в северном полушарии.

Возможно, товарищ Иванова, выйдя замуж за сына известного писателя, лауреата Сталин-

Александр БОБРОВ

Гречка вам задаст!

Нацбест Левенталья и нация без бестселлера

Гречка в России – дорожает, но в названии упоминается не крупа, а певичка Гречка, которая вошла в состав жюри премии «Национальный бестселлер». Ещё в составе Мало-го жюри девятнадцатого сезона – писатель Алексей Сальников (победитель прошлого сезона со скучнейшей книгой «Петровы в гриппе и вокруг него»). Как написала моя студентка-второкурсница Ольга Давыдова: «Я выбрала «Петровы в гриппе и вокруг него» среди остальных книг шорт-листа по довольно глупой причине – меня заинтриговала жена-библиотекаря с ножом, про которую упоминали в одной из аннотаций. «Это должно быть смешно», – подумала я, но смешно не было. Не было ни грустно, ни весело, было «никак», поэтому конкретно для меня эта книга стала пустой тратой времени. Но если не ждать от неё ничего особенного, то, наверное, она может даже понравиться. Роман «Петровы в гриппе и вокруг него» – очень понятный и это, наверное, здорово, но не таким хотелось бы лично мне видеть «национальный бестселлер». О «нации» может сложиться не самое лестное мнение». Юная студентка не понимает, что в этом – тайная задача премии: внушить не самое лестное мнение о нации, даже – совсем не лестное.

Ещё в жюри – общественный деятель и блогер Кристина Потупчик, генеральный директор «Петроцентра» и бесплатной газеты правительства города на Неве «Петербургский дневник» Андрей Шамрай, военный корреспондент Сергей Гнев. Почетный председатель жюри – главный финансовый уполномоченный России Юрий Воронин. Его функция – внести свой решающий голос в ситуации равенства голосов. На пресс-конференции выступил бесценный ведущий финальной церемонии музыкальный критик Артемий Троицкий, который вместе с семьей обосновался в Эстонии, поскольку, по его собственным словам, устал от российской «атмосферы истерии, милитаризма, агрессивности». Преподаватель университетов в Таллине и Хельсинки выразил опасение, что певичка Гречка (19-летняя Анастасия Иванова), включенная в жюри «как селебрити», просто не прочтает, не осилит все книги, а проголосует, как ей скажут старшие товарищи. Но куратор премии взорвался: «Певичка Гречка – это наше будущее, наш читатель», – парировал Вадим Левенталь, – нам надо ориентироваться на нее!». Кому «нам» – непонятно. Сама Иванова посылает наставников куда подальше:

*Ночью пустые скамейки и горящие окна.
Ночью мы пьяные и такие капризные.
Рваная куртка от гулянок вчерашних,
И нам не стыдно на улице днем появляться.
Мои друзья и я гуляем ночью,
видим небо, ближе к звездам
На х. взрослых, мы же можем быть кем хотим...*

Сегодня таким хотелкам охотно потакают. В розданном пресс-релизе Вадим Левенталь кратко охарактеризовал каждую из книг-финалистов следующим образом: «Предпочет ли Малое жюри бодрое древнерусское фэнтези от Андрея Рубанова? Или остановится над пеплом Клааса, стучащей в сердце читателя исторической публицистике Михаила Трофименкова? Или выберет тоже как бы исторический, но по отношению к истории прощающий, закутывающий его в шарф магического реализма роман Александра Етоева? А может быть, напротив, проголосует за предельно актуальный, аллегорический трактующий украинский конфликт роман Ульры Лихого? Впрочем, что касается актуальной повести, есть и другой вариант: весь год обсуждали проблему школьного буллинга, и вот вам роман Евгении Некрасовой – не меньше шансов есть и у него. Темной лошадкой смотрится разве что декадентский роман молодого петербуржца Александра Пелевина о поплавающей всё и вся стихии смерти – но нередко как раз темные лошадки приходят первыми, когда борются друг с другом равные силы прославленные наездники».

Среди «наездников» лидируют четыре автора: Михаил Трофименков «XX век представляет. Кадры и кадavery» (14 баллов Большого жюри); Андрей Рубанов – «Финист – ясный сокол» (13 баллов); Ульры Лихой – «Славянские отаку» и Евгения Некрасова – «Калечина-Малечина» (по 7 баллов). Перелистнем хоть мельком (Рубанова трогать не будем – он уже и так получил за «Патриота» всё, что можно) книги трёх неизвестных мне авторов. Итак, аннотация к книге «XX век представляет. Кадры и кадavery», которая вышла в серии «Книжная полка Вадима Левенталья»: «Блок писал: "век девятнадцатый, железный". Двадцатый век – это век динамита и напалма, газа и тротила, радиации и биологического оружия, термоядерных реакций, а главное – крови, крови, крови, полноводные реки крови на всех континентах. Книга Михаила Трофименкова поднимает читателя над двадцатым веком на высоту птичьего полета, заставляет взглянуть в это страшное столетие целиком, а значит – обобщить и сделать выводы... Мощнейшее чтение от одного из умнейших людей России».

О как за своих топил! Некто Д.Самойлов пишет в рецензии: «Эта весьма гармоничная книга вызывает крайне противоречивую внутреннюю реакцию читателя. Ее не-

возможно закрыть – бесконечный насыщенный поток интереснейшей информации, привязанной к истории, к фактам, к контексту и кинематографу, затягивает. Но в итоге поток информации начинает восприниматься как поток сознания... Если верить Михаилу Трофименкову, то от того, как разболталась наша планета в XX веке – как систему вселенского равновесия понесло в страшную и неостановимую качку, интенсивность которой только нарастает. Но тем интересней за ней наблюдать. Если хотите с легкостью поддержать любой разговор в самой взыскательной компании, заучите книгу Трофименкова «наизусть». Но не попадите впросак! Трофименков пишет в своей книге 2018 года: «...14 апреля 1912 лайнер Титаник распорол брюхо о подводную часть айсберга в 650 км к юго-востоку от Новой Земли...» (стр.80). На самом деле, Титаник столкнулся с айсбергом в 650 км к юго-востоку от острова Ньюфаундленд. Не Новая земля, а Новобританская, ну или проще – Новозеландская. Если переводиться с другого языка, ошибиться можно. Другое дело, что автор «тысячи статей и книг» (из аннотации) вроде бы должен знать географию в пределах школьной программы. Титаник плыл из Европы в Америку, но заблудился и попал... в Баренцево море России. Учите не кинокритика Трофименкова, а географию!

Думаю, аннотацию к книге «умнейшего» писал автор предисловия к книге Ульры Лихого, а именно – тот же Левенталь: «В предисловии к первой книге Ульры Лихого я писал о невероятной сатирической мощи этого писателя. Действительно, Ульры Лихой – тот самый писатель, который не боится разворовать самое грязное бельё нашего общественного бессознательного и тут же начать смеяться, руководствуясь не теми или иными идеологическими конструктами или пропагандистскими штампами, а здравым смыслом. Новый роман Ульры Лихого сохраняет эти качества, однако ждать от него тотального хохота все же не стоит... Как любой сатирик, Ульры Лихой не обходится, пожалуй, без некоторых преувеличений, но ведь гипербола – это прием, который только делает более выпуклыми, ясными те вещи, которые уже существуют в реальности. Да, о-о-чень выпукло!

«Сегодня я в черной футболке», – говорит Коля. – Потому что я сделал то, чего вы ждали целый месяц, а отстирывать мне все придется своими руками. Раздваться не буду, мы же не хотим, чтобы мне заблокировали канал... Как видите, на моей правой руке уже нет гипса, и я могу даже держать сигарету».

В левом нижнем углу экрана висит меню варкрафта, тект донаты от российских зрителей по 50 рублей. Электронный голос с неправильными удареениями читает «письма от поклонников», как их называет Коля. Стример курит и поворачивает в левую руку складной нож, постукивая им о полированную, еще советскую столешницу.

– Надень розовую футболку, Пикко недоделанный, а то неканон получается, – пишет долбоеб из Москвы под ником Москва. – Кстати, не боисьшь, что тебя после этого пидоры перестанут снимать? Ты же так любишь в соседнем лесопарке их вонючие х... по 15 гривен штука».

Следует уточнить: донат (англ. donate – «жертвовать») – денежное пожертвование. А Пикко – персонаж мультипликационного порнографического фильма «Бокун Пикко»... Вот она, «сатирическая мощь» украинства!

Ну, и наконец 7-балльница – книга Евгении Некрасовой о «проблеме школьного буллинга». Вот её десятилетняя перрона отвечает у доски, а учительница с классом почему-то измывается над ней: «Катя выбивалась из навязанной реальности. А тут – тут целый хор, дирижируемый Вероникой Евгеньевной, хохотал над ней по неразъяснённой причине. Катя один раз повернулась на класс и два раза посмотрела на классную, но больше не стала. Текст на доске расплолся и летал перед доской ошметками. Усилием, равным стараниям пяти десятилетних невыросших, Катя вернула текст обратно, всмотрелась и стёрла «с» в «рассеянной». Вероника Евгеньевна артистично шмякнула головой об стол, класс понял команду и взорвался новым дружным хохотом. Катя художником отошла от доски-мольберта, наклонилась по-лову, быстро вернулась обратно и написала на «несёшься», после «ш», где ничего прежде не было, – твёрдый знак. Учительница упала спиной на стул и принялась ловить дырой рта воздух. Невыросшие бились от смеха, как от электричества. Дирижёрским движением классная заставила всех замолчать, и, хоть не у всех получилось, она продолжила диктовать стихотворение. Катя принялась карябать дальше. Но как только она начала фразу «одна ты печалишь ликующий день», Вероника Евгеньевна затряслась на стуле и забарабанила ладонью по столу. Класс тут же провалился в приступ благополучной астмы – все беззвучно тряслось, лоя улыбками воздух. Катя с заболоченными глазами закончила строчку. Классная вытерла свои маленькие слёзки». Лично у меня от этого стиля и содержания – не мелкие слёзки, а – слёзищи. Как и вообще от всей этой акции имени Левенталья.

(Окончание – стр.3)

Был на днях на Инвалидном рынке, купил там «Литературную газету» №11 за 20 марта. Пришел домой, развернул. Ба! На трех полосках с двумя портретами – не обойти, не объехать – беседа с Натальей Ивановой. Давненько я не встречал её. Где она? Что она? Оказывается, всё там же, в журнале «Знания». Сколько себя помню, всегда там и была. Поди, уже лет пятьдесят. Сколько главных редакторов пересидела... Но тогда, в молодые годы, работала, конечно, рядовой сотрудницей, а вот теперь при ельцинско-путинском благовоном расцвете России она уже первый заместитель главного редактора. Первый! О-го-го! И всего-то за полвека!

Но дело не только в блестящей журналистской карьере. Редакция, уверенная, что после этого читатели так и кинутся к сей публикации, сочла нужным сообщить: Наталья Борисовна – доктор филологии, профессор кафедры теории литературы в МГУ, член Американской

Владимир БУШИН

Что за прелесть эта Наташа!

Об одной публикации в ЛГ

ассоциации содействия славяноведению, член еще какой-то, возможно, сомалийской Литературной академии, их богах и их гибели: с Большой Садовой – в Польшу, из Польши в Японию, из Японии во Францию, из Франции в Китай, из Китая в Швейцарию, из Швейцарии в США, из США – Берег слоновои кости... И везде Иванову ждут, конечно же, аллодисменты, цветы, тосты... Как видим, Наталья Иванова это наша Главная литературная дама. Я не знаю, кого можно поставить рядом с ней в северном полушарии.

Возможно, товарищ Иванова, выйдя замуж за сына известного писателя, лауреата Сталин-

Сколько здесь пламенной любви к русской литературе!.. Но закрадывается сомнение: во-первых, могло ли хватить стипендии на все 40 уникальных букинистических томов почти столетней давности? Едва ли. Во-вторых, 40-томного собрания сочинений Достоевского никогда и не было. А названное издание А.Ф. Маркса 1894-1895 годов с предисловием В.Розанова, бесплатное приложение к журналу «Нива», это не 40 томов, а только 12. Ну, на это стипендия, может, хватило бы. Зачем же профессор Иванова приплюсовала ещё аж 26 томов, т.е. преувеличила без малого – солженицынский размах! – в четыре раза? А чтобы показать нам, с одной стороны, свою поманую любовь, с другой: смотрите, как до революции щедро издала Достоевского, которого – это по умолчанию – не любил ваш Ленин.

(Окончание – стр.3)